

Фэй Хайтин
**НЕРАВНОМЕРНОЕ
РЕФОРМИРОВАНИЕ
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ОПЫТА КИТАЯ И РОССИИ**

Фэй Хайтин — кандидат исторических наук, доцент Исследовательского центра китайской политики Пекинского университета (КНР). Для связи с автором: feihaiting@outlook.com.

Аннотация. Трансформация политической системы — всегда не легкая задача. Реформы, запустившие этот процесс, легко могут попасть в «ловушку балансирования», когда значительная часть политического капитала направляется на обеспечение баланса интересов различных социальных групп, что неминуемо приводит к свертыванию реформ и, как следствие, застою. Статья посвящена сравнительному анализу подходов Китая и России к решению этой проблемы.

Суть китайского подхода, для обозначения которого обычно используется термин «политика экспериментов», заключается в том, что сначала реформы проводятся в отдельном регионе, а затем, в случае успеха, постепенно распространяются на всю страну. Однако ключ к успеху Китая кроется не только в экспериментах, но и в разнообразии стратегий реформ, выбор которых определяется конкретными условиями, сложившимися в том или ином регионе. Эта модель, известная как «неравномерное реформирование» и нацеленная на поиск зон наименьшего сопротивления, дабы не допустить объединения усилий противников преобразований и прямой конфронтации между государством и обществом, применяется и в России. Вместе с тем ее российская версия заметно отличается от китайской.

По заключению автора, различия между китайской и российской моделями реформ уходят корнями в политическую сферу и связаны со спецификой избирательной и партийной систем этих стран, а главное — с характером отношений в системе «центр—регионы». Если в Китае при проведении реформ делается упор на инициативу снизу, то Россия отдает предпочтение политическим инструментам, находящимся под прямым контролем федеральных структур.

Ключевые слова: Китай, Россия, реформы, ловушка балансирования, политика экспериментов, неравномерное реформирование

**Политика реформ
как потенциальное
направление
политической
науки**

Реформы как предмет исследования. Существует немало терминов, описывающих политические изменения, — например, «трансформация», «перемены» и др. Они так или иначе указывают на коренные или как минимум значительные изменения в политической системе. Однако возникают определенные трудности, когда нам необходимо охарактеризовать комплекс политических решений, которые, будучи направлены на преобразование политической жизни страны, не предполагают изменения существующего режима. К их числу можно отнести такие варианты государственной политики, как «электронное правительство» (E-government), «ответственное правительство», «эффективное правительство», «открытое правительство» и т.д. Несмотря на то что цель подобных решений сводится к повышению качества государственного управления, они могут способствовать политическому развитию.

Возможно, термин «развитие» здесь как раз более уместен, нежели «трансформация». Вместе с тем и у него есть недостатки. Во-первых, слово «развитие» уже имеет определенное смысловое наполнение, связывающее его с модернизацией, а также с политическими и социально-экономическими моделями государств Европы и Северной Америки. Однако социально-политические процессы в Китае и России отличаются от тех, что протекают в западных странах, хоть и обладают рядом схожих черт. Во-вторых, понятие «развитие» не всегда подразумевает сознательное совершенствование политической системы со стороны государства и ориентацию последнего на поиск в политическом процессе.

Важно также отметить, что даже при единстве целей отдельных элит, регионов и правительств пути их достижения могут различаться. Как нам отразить такие различия? Например, если мы относим курс на создание пилотных зон и преобразование государственных предприятий исключительно к вопросам экономического развития, то существенно недооцениваем его политические последствия. Именно поэтому китайские ученые предпочитают термин «инновация», который отражает как процесс поиска, так и перемены, а также преемственность на основе политических традиций страны. Однако он может показаться в определенной степени идеологизированным и выступать в качестве своеобразного лозунга.

В связи с этим в настоящей статье мы решили использовать понятие «реформы», которое имеет более широкий характер. При этом в его трактовке мы будем отталкиваться от определения «инноваций», предложенного профессором Ли Цзинпэном, в соответствии с которым «пространство для инноваций в политической системе — это разрыв между действующей структурой, деятельностью государственного аппарата и желаемым состоянием. Любые усилия по ликвидации этого разрыва являются инновацией»¹. Подобно «желаемому состоянию», цели реформ могут быть разнородными и разнообразными, но именно в таком разнообразии и кроются возможности, а также альтернативные пути политического прогресса.

¹ Ли Цзинпэн
2007: 1.

Почему реформы становятся проблемой? На сегодняшний день существует множество исследований, показывающих, что любые реформы, комплексные или точечные, политические или экономические, оказываются вызовом для политической системы. Одной из теоретических моделей, описывающих процесс реформ, является J-кривая Адама Пшеворского. Согласно этой модели, прежде чем подняться на «высоты реформированной системы» (higher hills of the reformed system), реформы должны пройти через «долину транзита» (valley of transition), или «долину слез» (valley of tears)². Проблема в том, что сопротивление реформам зачастую исходит не только от консерваторов и групп, интересы которых были ущемлены в ходе реформ, но и от тех, кто воспользовался ими на ранних этапах. Как справедливо отмечает Джоэл Хеллман, после «долины слез» системе далеко не всегда удается достичь желаемых высот. Напротив, в результате многих экономических реформ складываются ситуации, известные как «победитель получает все» (winner takes all) и «баланс частичных реформ» (partial reform equilibrium)³. Суть их заключается в том, что основные бенефициары ранних этапов реформ начинают препятствовать реформаторскому процессу, а порой и вовсе останавливают его, чтобы сохранить полученные ресурсы и привилегии. Создавая для себя сравнительные преимущества, они вынуждают общество платить высокую цену за проведение реформ, провоцируя дальнейший застой.

² Przeworski 1991.

³ Hellman 1998.

⁴ Melville and Mironyuk 2016. Второй концепт представляет собой сознательную аллюзию на образ «good enough governance», предложенный Мерили Гриндл (Grindle 2004, 2007).

Анализируя опыт постсоветских стран (за вычетом Латвии, Литвы и Эстонии), Андрей Мельвиль и Михаил Миронюк использовали для его описания концепты «царь горы» (king of the mountain) и «неудовлетворительное („плоховатое“, „так себе“) управление» (bad enough governance)⁴. Группы, завладевшие в ходе реформ контролем над значительными ресурсами и благами, превращаются в «царя горы», создавая единую политико-экономическую монополию, основанную на извлечении политической и экономической ренты. Делать это вполне возможно и в относительно закрытой и неэффективной системе, более того, такая система даже больше подходит для решения данной задачи. И поскольку дальнейшее развитие институтов и повышение качества управления затрудняет получение ренты, эти группы оказываются заинтересованы в том, чтобы затормозить этот процесс, оставив качество управления и институтов на неудовлетворительном уровне.

Но дело не только в разнообразии источников сопротивления, но и в его многоуровневости. Здесь важно учитывать, что управление государством должно опираться на многоуровневую структуру, которая и делает политику чрезвычайно сложной и насыщенной в смысловом отношении.

В горизонтальном плане сопротивление реформам усиливают различия между регионами с точки зрения природных ресурсов, демографии, исторических традиций и политических условий, вследствие чего в результате реформ одни выигрывают, а другие проигрывают. В плане

вертикальном существенное значение имеют отношения между региональными властями и центром, инициировавшим преобразования. В странах с сильными регионами и относительно слабым центром региональные власти могут блокировать реформы или как минимум препятствовать их проведению, стремясь добиться увеличения своего административного ресурса. В странах с сильным центром и относительно слабыми регионами возможностей для проведения реформ больше, поскольку региональные власти там вынуждены демонстрировать лояльность центру, дабы расширить поддержку с его стороны. Не следует также забывать, что бенефициары и пострадавшие от реформ на ранних этапах их проведения будут присутствовать не только на общегосударственном или федеральном, но и на региональном и местном уровнях. Это означает, что на разных этапах одни и те же реформы будут встречать поддержку разных акторов и регионов. Мало того, в процессе реформирования группы интересов могут менять свое место в сложившейся структуре. В частности, в случае России некоторые группы интересов, теряющие преимущества в общенациональной конкуренции, постепенно перемещаются в регионы⁵.

⁵ См. Гаман-Голутвина 2004.

Вопрос о том, какой из уровней сопротивления реформам играет решающую роль, остается открытым. Так, Хеллман делает акцент на сопротивлении реформам на горизонтальном уровне⁶. В свою очередь Оксана Гаман-Голутвина полагает, что оно чаще всего имеет вертикальную природу⁷. Согласно же мнению Мельвиля и Миронюка, сопротивление реформам исходит от коалиций групп интересов, которые коллективно оказывают давление на потенциальных реформаторов⁸.

⁶ Hellman 1998.

⁷ См. Гаман-Голутвина 2004.

⁸ Melville and Mironyuk 2016.

Пространство для реформ. Экономический и/или политический капитал, приобретенный в ходе раннего этапа реформ его бенефициарами, открывает перед ними больше возможностей для продвижения своих интересов по сравнению с другими акторами, причем на всех этажах власти. В результате политика реформ часто попадает в «ловушку балансирования». В условиях противостояния интересов влиятельных социальных групп существенная часть политического капитала и внимания государства переключается на поддержание баланса между ними.

Ключевой проблемой в данном случае является пространство для реформ. Отношения регионов с центральными властями зависят от целого ряда факторов, таких как политический статус, экономический потенциал, исторические традиции и др. Несколько упрощая, эти отношения можно свести к двум типам: «принципал-агент» и «торг» (bargaining). В первом случае слабые регионы конкурируют за поддержку со стороны центра и предоставляемые им ресурсы; во втором сильные регионы могут формировать коалиции и совместно бойкотировать реформы, инициированные слабым центром⁹. С точки зрения пространства для реформ первый вариант выглядит предпочтительнее, поскольку при наличии сильной и централизованной власти регио-

⁹ Sharafutdinova and Turovsky 2017.

¹⁰ Treisman 2007.

ны вынуждены развиваться по отдельности и региональные элиты не могут объединиться для давления на центр¹⁰. Но, облегчая проведение реформ, такое положение дел может мешать развитию регионов. При децентрализованной структуре возможностей для развития регионов, которые могут выстраивать между собой как кооперативные, так и конкурентные отношения с целью получения разнообразных ресурсов вне контроля центра, больше, но выше и способность регионов тормозить и даже блокировать реформы.

Однако пространство для реформ определяется не только существующей моделью отношений между центром и регионами; оно во многом складывается в их постоянном взаимодействии. Таким образом, многоуровневая структура власти оказывает инструментальное влияние на процесс реформ. Не порождая прямого сопротивления, она требует разработки более сложных и прицельных механизмов реформирования, а также четкой идентификации его объектов, исходя из сложившихся условий.

Политика экспериментов: опыт Китая и возможность его применения в России. Рассмотрим в качестве примера случаи Китая и России.

¹¹ Ясин и др. 2013: 33.

В 2012 г. Евгений Ясин, Наталья Акиндинова, Лев Яковсон и Андрей Яковлев обозначили три возможных варианта будущего развития РФ: модернизация сверху, решительный рывок и постепенное развитие¹¹. По их оценке, до сих пор Россия развивалась преимущественно по первому сценарию, но по большей части без особых успехов. Второй вариант тоже потерпел неудачу. Соответственно, с учетом социально-экономического положения страны ей, по-видимому, лучше всего подходит третий вариант, что, в свою очередь, делает актуальным обращение к опыту Китая.

¹² Maskin, Qian, and Xu 2000.

Весьма плодотворным в этом плане является сравнение советской и китайской моделей управления экономикой, представленное в работе известного экономиста Эрика Маскина и его соавторов¹². Согласно Маскину, советская экономика была похожа по своей структуре на корпорацию Ford, организованную по «унитарной» схеме с делением на специализированные подразделения, каждое из которых выполняло собственные задачи. Напротив, китайская плановая экономика скорее напоминала модель, впервые примененную General Motors, где внутрикорпоративная система управления опиралась на подразделения в виде самостоятельных компаний, нацеленных на производство различных марок автомобилей. Подобная мультидивизионная структура, или так называемая М-форма, позволяла сравнивать результаты деятельности средних звеньев управления и обеспечивала более эффективные стимулы для менеджеров внутри фирмы¹³. Зафиксированная Маскином с коллегами структура управления была характерна для Китая со времен революции. В определенной степени она объясняет и ныне действующую стратегию реформ в стране.

¹³ Ясин и др. 2013: 43.

Обобщенно эту стратегию принято называть «политикой экспериментов» (policy experimentation), «поэтапным копированием» (staged replication)¹⁴ или, используя терминологию китайских исследователей, «инновациями местного самоуправления» и «инновационным правительством»¹⁵. Суть ее заключается в том, что сначала реформы проводятся в отдельном регионе, а затем, в случае успеха, постепенно распространяются на всю страну. Но подходит ли данная стратегия для России? Можно ли сказать, что политика экспериментов и поэтапное копирование — главные составляющие китайского опыта?

¹⁴ Хань Ботян и Ши Лэй 2008: 34.

¹⁵ Ю Кепин 2003: 31.

Типы, последовательность и механизмы реформ

Сущность политики экспериментов. Механизм реформирования в Китае отличается тем, что, охватывая широкие категории реформ, он вместе с тем способен преобразовывать небольшие экспериментальные проекты в национальную политику. Ключ к успеху Китая заключается в сочетании местных инициатив с поддержкой со стороны центра. Государственная политика в КНР — это не просто набор директивных указаний центра местным властям, а результат многоуровневого взаимодействия. В рамках этой модели местные органы власти проводят эксперименты, а центральное правительство сосредотачивается на отборе успешных образцов, которые можно распространить на другие территории.

Опираясь на концепцию политики экспериментов, Себастьян Гейльман выделяет восемь этапов реформаторского процесса в Китае: местные эксперименты — отбор успешных кейсов — дискуссия — первые проекты реформ — распространение успешного опыта — законодательное оформление — осуществление политики на всей территории — обратная связь¹⁶. Но, давая полный перечень мероприятий на различных стадиях эксперимента, эта модель не отражает той роли, которую играют в данном процессе центральные и местные власти.

¹⁶ Хань Ботян и Ши Лэй 2008: 37. (Хань Ботян — китайский эквивалент имени Sebastian Heilmann, использованный в этой публикации. — Ред.)

Следует отметить, что, наряду с экспериментальными решениями, предлагаемыми местными властями, важнейшими составляющими политики экспериментов являются отбор и подтверждение образцов центральными властями. Реформы в Китае не всегда проходят через все обозначенные Гейльманом этапы, но могут начаться и закончиться на любом из них. Пространство для маневра здесь в значительной степени зависит от центральных, а не от местных властей. Ключевым фактором, влияющим на инновационную деятельность местных правительств, выступает отношение к реформам со стороны центра, которое может принимать форму поддержки, согласия (в том числе молчаливого), возражения или отказа.

Китайские исследователи уже достаточно далеко продвинулись в изучении политики экспериментов и поэтапного копирования. Так, Ли Цзинпэн зафиксировал пять стимулов, подталкивающих местные власти к созданию инноваций: чувство социальной ответственности, стремление к достижению политических целей, давление со стороны

¹⁷ Ли Цзиньэнь
2007: 2.

¹⁸ Ян Сюэдун 2008:
19; 2011: 87.

¹⁹ Чэнь Сюэлянь
2010: 118.

вышестоящих властных структур, содействие академического сообщества и СМИ, давление со стороны граждан¹⁷. Ян Сюэдун подразделил инновационную деятельность на четыре категории в зависимости от целеполагания (активное реагирование на кризис, пассивное реагирование на кризис, активное стремление к развитию, пассивное стремление к развитию) и идентифицировал такие ее типы, как адаптация, прикладное применение и обучение¹⁸. В свою очередь Чэнь Сюэлянь выявил восемь моделей производства инноваций: 1) реакция на те или иные проблемы/вызовы; 2) превосходящая инициатива; 3) ответ на необходимость; 4) вынужденные действия; 5) предварительные мероприятия; 6) мероприятия, ориентированные на долгосрочную перспективу; 7) импорт; 8) конверсия¹⁹.

Неравномерное реформирование и типы реформ. Тщательный анализ китайского опыта показывает, что ключевым элементом действующей в стране стратегии реформ является совсем не эксперимент. Гораздо важнее условия для рождения инновационных идей, их последующий отбор и наличие альтернативных вариантов реформ. В ходе преобразований китайские политики осознали, что, хотя трансформации происходят прежде всего в политической сфере, реформаторы неизбежно сталкиваются с множеством социально-экономических проблем. Попытка справиться со всеми этими проблемами сразу сопряжена с большими социальными издержками. Однако вовсе не обязательно решать все задачи одновременно. Главное в процессе реформ — последовательность.

Вместо того чтобы связывать механизм реформ в Китае исключительно с политикой экспериментов сверху или снизу, следует обратить внимание на его горизонтальное измерение. В этом случае мы можем наблюдать процесс неравномерного реформирования, который подразумевает, что стратегия реформ должна варьировать от региона к региону, чтобы в максимальной степени соответствовать местным условиям, тем самым уменьшая сопротивление со стороны региональных властей и групп интересов. Иначе говоря, любые реформы предполагают наличие множества вариантов и планов, которые разрабатываются на всех уровнях управления. Данный механизм требует четкого государственного регулирования, поэтому центр в свою очередь рассматривает и сравнивает проекты реформ, имея при этом возможность и сам заниматься реформаторской деятельностью. В итоге центральные власти могут проводить сравнительный анализ поступающих проектов, обеспечивая их дальнейшую интеграцию и совершенствование, а также выявлять причины успеха тех или иных экспериментов и инноваций на местах.

²⁰ Ю Кепин 2003,
2005.

Необходимо учитывать, что глубина реформирования во многом зависит от типа реформ. Опыт Китая дает богатый материал для изучения этой проблематики. Основываясь на классических работах Ю Кепина²⁰, можно выделить три основных типа реформ: политиче-

ские реформы, административные реформы и реформы общественного управления.

Политические реформы касаются таких областей, как демократические выборы, политическое участие, прозрачность и открытость государственного управления, кадровая политика, контроль над властями, функционирование законодательной и судебной систем, а также процесс принятия решений. Административные реформы затрагивают институциональное строительство, административную ответственность, административные расходы, административный контроль, административные процедуры, управление служебной деятельностью, административные стимулы и гражданскую службу. Реформы общественного управления включают в себя общественные блага, социальные льготы, общественную безопасность, образование, здравоохранение, охрану окружающей среды, вопросы бедности и неравенства²¹.

²¹ Ю Кепин 2005: 138.

При анализе глубины реформирования целесообразно воспользоваться классификацией Гейльмана, выделившего четыре типа объектов реформаторской политики: 1) замкнутые подсистемы (к их числу относятся, например, государственные предприятия), 2) ограниченные подсистемы (например, частные предприятия), 3) открытые подсистемы (например, предприятия с иностранным капиталом) 4) несогласованные подсистемы (например, фондовый рынок)²². Этот подход применим не только к Китаю, но и к России (см. табл. 1).

²² Хань Ботян и Ши Лэй 2008: 40—44.

Последовательность реформ и типы реформаторских стратегий в Китае и России. Последовательность в проведении реформ прежде всего связана с выбором отправной точки, которая может располагаться в политической, экономической или социальной сфере²³. Первоначальные приоритеты реформаторов часто находят отражение в различных типах реформ. Так, если экономическая реформа уже затронула некую замкнутую подсистему (например, зону свободной торговли), а политические и социальные реформы все еще не вышли за уровень открытых подсистем (скажем, образования и создания инфраструктуры), можно утверждать, что реформаторы выбрали в качестве приоритета экономические реформы, рассматривая политические и социальные преобразования как дополнительные задачи. В целом можно выделить шесть возможных стратегий реформ: 1) политико-экономико-социальную (ПЭС), 2) политико-социально-экономическую (ПСЭ), 3) экономико-политико-социальную (ЭПС), 4) экономико-социально-политическую (ЭСП), 5) социально-политико-экономическую (СПЭ) и 6) социально-экономико-политическую (СЭП).

²³ Отметим, что вопрос о практической эффективности реформ выходит за рамки настоящей статьи.

В зависимости от того, в какой сфере начинаются реформы, эти шесть стратегий в свою очередь распадаются на три группы:

- 1) **ПЭС и ПСЭ.** Упор на политических изменениях характерен для развитых регионов и регионов с бурным ростом экономики, где такого рода изменения позволяют сбалансировать интересы разных социальных групп, стимулировать социальную активность

Таблица 1 Типы и направления реформ в Китае и России

<i>Политические реформы</i>	<i>Экономические реформы</i>	<i>Реформы общественной управления</i>
<p><i>Замкнутые подсистемы</i></p> <p>демократические выборы (КНР); кадровая политика; законодательная реформа; судебная реформа; процесс принятия решений</p>	<p>особые экономические зоны; пилотные зоны; зоны свободной торговли</p>	<p>общественная безопасность; общественный порядок</p>
<p><i>Ограниченные подсистемы</i></p> <p>демократические выборы (РФ); контроль над властью; институциональное строительство; административная ответственность; административные расходы; административный контроль; административные процедуры</p>	<p>реформа государственных предприятий; реорганизация экономической структуры</p>	<p>развитие неправительственных организаций; гражданский контроль; участие гражданского общества</p>
<p><i>Открытые подсистемы</i></p> <p>общественные блага; социальные льготы; общественное образование; здравоохранение; охрана окружающей среды</p>	<p>инвестиции в малые и средние предприятия; привлечение инвестиций; финансирование крупных проектов</p>	<p>создание инфраструктуры; снижение уровня бедности; строительство медицинских учреждений, жилья, общественных зданий, объектов связи и энергообеспечения</p>
<p><i>Несогласованные подсистемы</i></p> <p>прозрачность; электронное правительство; управление служебной деятельностью; административные стимулы; гражданская служба</p>	<p>сочетание производственных и научных исследований; новые отрасли экономики; цифровая экономика; электронная торговля; инновационный комплекс; региональная экономическая интеграция; модернизационный порт</p>	<p>электронная медицина; полицес ОМС; онлайн-образование; распространение интернета; автоматизированное управление; цифровое телевидение</p>

и в конечном итоге создать благоприятные условия для дальнейшего экономического развития;

- 2) *ЭПС и ЭСП*. Экономические реформы приоритетны в регионах с низким уровнем благосостояния, где необходимо запустить экономический рост, чтобы предотвратить обострение социальных проблем, которые препятствуют любым попыткам реформирования политической системы;
- 3) *СПЭ и СЭП*. Социальные реформы требуются в регионах, сталкивающихся с серьезными препятствиями на пути дальнейшего экономического развития. В этом случае главными проблемами являются бедность, неравенство, задержавшаяся модернизация, разрушение окружающей среды и отсутствие стабильного социального порядка.

При анализе стратегии китайских реформ мы опирались на выступление генерального секретаря ЦК КПК в ходе его рабочих визитов в провинции Китая, на заседаниях Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и специальных заседаниях правительства. Выбор этих материалов в качестве основы для исследования объяснялся следующими соображениями. (1) Цели рабочих визитов генерального секретаря ЦК КПК в провинции страны определяются совместно центральными и региональными властями, причем за формирование маршрута отвечают именно последние, что позволяет зафиксировать их приоритеты. (2) На заседаниях ВСНП региональные делегации затрагивают прежде всего положение дел в своих провинциях, а генеральный секретарь ЦК КПК подводит итоги и формулирует выводы. В своем заключительном выступлении он дает своего рода обзор приоритетов регионального управления и при необходимости вносит в них коррективы. (3) На специальных заседаниях правительства происходит обсуждение проектов реформ и местных экспериментов, а их решения отражают сложившийся консенсус между центральными и региональными властями.

При изучении стратегии реформ в России тоже необходимо использовать материалы, где находят отражение позиции как центральных, так и региональных властей. Однако здесь важно учитывать специфику России. В отличие от Китая, визиты президента РФ в регионы не всегда заканчиваются публичными выступлениями с детальным обсуждением итогов инспектирования. В связи с этим целесообразно сделать упор на материалы рабочих встреч президента с главами субъектов Федерации. Во-первых, в такой крупной стране, как Россия, внимание и время президента сами по себе являются политическим капиталом. Частота встреч президента с руководителями тех или иных регионов — надежный индикатор интереса центра к региональной политике. Во-вторых, в рамках ограниченной по времени рабочей встречи главы субъектов Федерации не могут дать полную картину положения дел в регионе, а потому фокусируются на наиболее значимых (и выигрышных) для себя аспектах региональной жизни. В-третьих, доклады реги-

ональных руководителей сигнализируют о потребности в проведении реформ в определенных регионах и намерении государства их осуществить.

Неравномерное реформирование: выбор стратегий в Китае и России

Несколько упрощая, китайские провинции можно разделить на четыре категории: 1) регионы с особым политическим значением, 2) регионы с открытой и развитой экономикой, 3) регионы с сильной традиционной промышленностью 4) регионы с относительно слабой экономикой. Сходное деление просматривается и в современной России. Однако стратегии реформ в соответствующих группах регионов двух стран далеко не всегда совпадают (см. *табл. 2*). Рассмотрим эти стратегии подробнее.

Таблица 2 Примеры выбора стратегии реформ в регионах Китая и России

<i>Тип регионов</i>	<i>КНР</i>	<i>РФ</i>
Регионы с особым политическим значением	Пекин (ПЭС) Тибет и Синьцзян (ПСЭ)	Москва и Севастополь (СПЭ) Санкт-Петербург (СЭП)
Регионы с открытой и развитой экономикой	Шанхай и Хайнань (ЭПС) Цзянсу (ЭСП)	Новгородская и Калининградская области (ЭПС) Нижегородская область (ЭСП)
Регионы с сильной традиционной промышленностью	Хэйлунцзян (ЭПС) Аньхой (ЭСП)	Свердловская и Ростовская области (ЭСП)
Регионы с относительно слабой экономикой	Гуйчжоу (СЭП) Нинся (СПЭ)	Дальневосточные субъекты Федерации (ПЭС)

Регионы с особым политическим значением. К регионам этого типа в Китае относятся столичный регион и районы проживания национальных меньшинств. Политические функции в них имеют особое значение, и экономическое развитие и социальная жизнь служат достижению определенных политических целей. Только политические реформы могут обеспечить там дальнейший рост экономики и улучшение социальных условий. Наиболее важной задачей для реформаторов в данном случае является достижение баланса между интересами различных ведомств, институтов, организаций и элитных групп, а затем постепенное продвижение реформ на основе сложившегося общественного консенсуса.

Наиболее показательна в этом отношении стратегия реформ ПЭС, используемая в Пекине. Ведь Пекин — это не только столица Китая, но и мегаполис, где сосредоточено огромное количество населения и промышленных предприятий. В связи с этим региональная стратегия реформ предполагает четкое разделение двух функций Пекина — как столицы в политическом плане и мегаполиса в плане географическом²⁴. Суть ее заключается в том, чтобы отстроить субцентр и оттуда регулировать отраслевую структуру города. Важно отметить, что эта стратегия, которой безоговорочно должны придерживаться городские власти, была разработана центральным правительством.

²⁴ Си Цзиньпин 2014а.

По сходному пути движутся Тибет и Синьцзян, избравшие стратегию ПЭС. Главная задача реформ в этих приграничных регионах — создание стабильного правового пространства, а также установление верховенства права²⁵. После достижения этой цели региональные власти смогут перейти к таким вопросам, как борьба с нищетой, благосостояние граждан, экология, культура, общественные блага и т.д. В данных регионах целью экономического развития является не прибыль или создание инноваций, а политический и социальный порядок.

²⁵ Си Цзиньпин 2020а, 2020б.

В России тоже есть регионы, имеющие особое политическое значение, например Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Однако, в отличие от своих китайских коллег, главы этих регионов отдают предпочтение стратегии СПЭ или СЭП, поскольку испытывают давление со стороны гражданского общества, особенно на выборах. Вследствие сильного социального расслоения, а иногда и сложного экономического положения такие регионы сталкиваются с наиболее мощным сопротивлением бенефициаров ранних этапов реформ. В этих условиях проведение политических реформ выглядит дорогостоящим и вместе с тем малоэффективным выбором. Прежде чем приступать к решению этой задачи, необходимо обеспечить социальную стабильность, завоевать поддержку всех слоев общества, свести к минимуму конфликты интересов разных социальных групп. Только после этого можно постепенно проводить реформы, в том числе путем подбора нового корпуса руководителей, а также точечной коррекции политических процессов и институтов.

Регионы с открытой и развитой экономикой. Власти регионов, движущей силой реформ в которых является экономика, обычно выбирают стратегию ЭПС. Особенность этих регионов заключается в том, что при достигнутом ими уровне экономического развития существующая система управления не способна обеспечить решение актуальных экономических задач, в связи с чем возникает потребность в определенных политических и/или социальных реформах. Поскольку в экономическом развитии заинтересованы все слои общества, бенефициары ранних этапов реформ в таких регионах будут в меньшей степени препятствовать дальнейшим преобразованиям, и при их проведении региональные власти могут опереться на сложившийся социальный

консенсус. В случае Китая к данной категории относятся прежде всего особые экономические зоны и пилотные зоны реформ, расположенные на юго-востоке и в прибрежных районах страны.

Классическими примерами регионов данного типа являются Шанхай и Хайнань. В Шанхае создана зона свободной торговли, открытая для всего мира. Это требует не только значительного уровня демократии, но и более совершенного правового пространства. Необходимо также адаптация правящих групп к саморегулированию экономических агентов. Именно поэтому шанхайские власти не только проводят судебную реформу, но и предпринимают усилия для совершенствования институтов регионального Собрания народных представителей в целях развития демократических форм управления. Кроме того, центр предписывает им обеспечить условия для подготовки специалистов в области городского управления, а также проводить мероприятия по регулированию отношений между политической элитой и бизнесом²⁶.

²⁶ Си Цзиньпин 2015b, 2019.

Несколько иная ситуация сложилась в провинции Цзянсу, что нашло отражение в выборе ею стратегии ЭСП. Несмотря на наличие крепкой экономической базы, дальнейшее развитие региона сдерживает дисбаланс между промышленными и сельскохозяйственными отраслями, а также городскими и сельскими территориями. В этих условиях центральные власти делают ставку на продвинутые районы, которым отводится ведущая роль, и ставят во главу угла сбалансированное региональное развитие, с тем чтобы индустриализация, информатизация, урбанизация и модернизация сельского хозяйства стали первыми шагами на пути к фундаментальной модернизации и построению среднезажиточного общества²⁷.

²⁷ Си Цзиньпин 2014b.

Регионы, где сосредоточены особые экономические зоны, имеются и в России, и некоторые из них (например, Новгородская, Калининградская и Нижегородская области) добились заметных успехов. Главы этих регионов также отдают предпочтение стратегиям ЭПС и ЭСП. Как и в случае Китая, экономические реформы здесь становятся движущей силой политических реформ. Как правило, в подобных регионах создается один или несколько «полигонов» для реализации экспериментальных проектов, и накопленный в ходе их осуществления опыт постепенно распространяется на другие субъекты РФ.

Важно отметить, что при проведении реформ в регионах данного типа часто удается избежать ситуаций, описываемых концепциями «баланса частичных реформ» и «царя горы». То обстоятельство, что коренные преобразования там начинаются с небольших пилотных зон под полным контролем региональных властей, позволяет минимизировать сопротивление реформам — сперва в этих зонах, а впоследствии и во всем регионе.

Регионы с сильной традиционной промышленностью. Китайские регионы этой группы тоже делают акцент на экономических

реформах, однако региональные власти там сфокусированы на социальных последствиях экономического развития, что побуждает их склоняться скорее к стратегии ЭСП, нежели к ЭПС. Важная особенность таких регионов заключается в том, что, несмотря на относительно высокие экономические показатели, их потенциал в этой сфере далеко не исчерпан и действующие там системы управления пока не препятствуют продвижению по этому пути. В данном случае барьерами для реформ выступают объективные обстоятельства. Это требует от региональных органов власти усилий по активизации экономического роста путем увеличения числа высокопроизводительных рабочих мест и расширения местного рынка.

В рамках указанной группы четко просматриваются два типа регионов: 1) провинции, где сосредоточены переставшие отвечать современным требованиям предприятия традиционных отраслей, нуждающиеся в срочной модернизации; 2) крупные сельскохозяйственные территории.

К первому типу относятся северо-восточные провинции — ядро старой промышленной базы Китая. В настоящее время эти регионы столкнулись с необходимостью структурной перестройки промышленности, что ставит на повестку дня реорганизацию отсталых государственных предприятий и привлечение частных инвестиций. Однако в ходе этого процесса возникает пространство для формирования коррупционных связей. В этих условиях региональные власти должны уделять особое внимание укреплению верховенства права и повышению качества управления путем сокращения правительственных учреждений, упрощения бюрократических процедур и передачи на места хозяйственных вопросов²⁸.

²⁸ Си Цзиньпин 2016с.

Примером регионов второго типа может служить провинция Аньхой, которая взяла курс на развитие новых высокотехнологичных отраслей. Однако, поскольку Аньхой изначально является сельскохозяйственным регионом, главная задача реформ здесь заключается в последовательной урбанизации и модернизации сельских территорий²⁹, увеличении численности городского населения и промышленных рабочих с высоким уровнем образования. Реформы в регионе нацелены главным образом на совершенствование общественного управления, а также интеграцию сельских и городских районов.

²⁹ Си Цзиньпин 2016а.

В России в регионах с сильной традиционной промышленностью (например, в Свердловской области) предпочтение обычно отдается стратегии ЭСП. Аналогичным образом обстоит дело в регионах с развитым сельским хозяйством (Ростовская область). Этот выбор объясняется как экономическими, так и политическими соображениями. С одной стороны, крупные государственные предприятия в таких регионах зачастую относятся к числу опорных для страны в целом (оборона, металлургия, энергетика, машиностроение), и для их реформирования требуется решение не региональных, а центральных властей. С другой стороны, эти предприятия влияют на жизнь большого числа

местных жителей, и, если не наладить хорошие отношения с их руководством, это непосредственно отразится на социальной стабильности в регионе.

Кроме того, в отличие от Китая, в России регионы данного типа уже в значительной степени урбанизированы, и главной задачей их руководства является регулирование предпринимательской деятельности и управление городами, а не интеграция городских и сельских районов. Следует отметить, что в этом случае сопротивление реформам может исходить от предпринимателей в союзе с частью городской бюрократии.

Регионы с относительно слабой экономикой. Власти китайских провинций этого типа уделяют основное внимание социальной сфере, что предопределяет их выбор в пользу стратегий СЭП и СПЭ. В этих провинциях есть немало территорий, еще только осуществляющих переход от традиционного к современному обществу. Нищета — следствие не только низкого уровня доходов, но и банального отсутствия у значительной части населения образования и навыков, которых сегодня требует производство, что делает нереалистичным решение данной проблемы за счет развития крупных предприятий и новых высокотехнологичных отраслей. Понятно также, что в подобных условиях едва ли возможна и развитая система управления современно-го образца.

В густонаселенных юго-западных провинциях, в частности в Гуйчжоу, власти фокусируются на борьбе с нищетой, улучшении условий жизни населения, а также гармоничном развитии городских и сельских районов³⁰. Только в случае победы над нищетой возможно движение к формированию современной экономической системы путем урбанизации и создания образовательной инфраструктуры. Но успех в борьбе с нищетой зависит прежде всего от усилий, предпринимаемых на низовом уровне, особенно когда речь идет о регионах с небольшим и рассредоточенным населением. Проводниками политики региональных властей в таких регионах становятся низовые отделения КПК. Однако при всех обстоятельствах главной целью политических реформ в этой группе регионов является укрепление местного самоуправления³¹, развитие управленческих структур на уровне деревень, общин, городских кварталов, а также малых и средних предприятий.

В российских регионах рассматриваемой группы местному самоуправлению уделяется гораздо меньше внимания. Ключевые решения принимаются здесь на региональном или даже на федеральном уровне (учреждение специального министерства, федеральные ассигнования и программы, перераспределение налогов и т.д.).

В случае регионов с относительно слабой экономикой особенно наглядно проявляются общие различия между китайской и российской стратегиями реформ. Если в Китае власти опираются на партийные организации и низовую инициативу, то в России делается ставка на уч-

³⁰ Си Цзиньпин 2015а.

³¹ Си Цзиньпин 2016в.

реждения, проекты, капиталы и элитные группы, находящиеся под прямым контролем федерального центра, который пытается стимулировать экономическое развитие с помощью политических инструментов. Типичным примером подобного подхода является стратегия развития дальневосточных субъектов РФ.

Заключение

Примечательно, что ни в одной из концепций сопротивление реформам не связывается с какими-то конкретными лицами или группами интересов. На разных этапах реформы давление на реформаторов может оказывать любая социальная группа, стремящаяся приобрести или сохранить ресурсы и привилегии. В итоге реформы легко могут попасть в «ловушку балансирования», когда значительная часть политического капитала направляется на обеспечение баланса интересов различных социальных групп, что неминуемо приводит к свертыванию реформ и, как следствие, застою. Таким образом, важнейшим фактором успеха реформ является не степень их радикальности на начальном этапе, а устойчивость и способность преодолевать возникающие препятствия. Огромное значение в этом плане имеет так называемое пространство для реформ, которое определяется характером отношений между центром и регионами, а также используемыми государством механизмами взаимодействия между центральными, региональными и местными органами власти. Применительно к Китаю такими механизмами выступают политика экспериментов и поэтапное копирование.

При всей уникальности китайского опыта присутствие сходных элементов в моделях реформ в Китае и России позволяет говорить о наличии неких закономерностей. Вне зависимости от особенностей конкретной страны при проведении реформ важно обеспечить широкий набор программ развития для сравнения и отбора, а сам процесс реформирования не должен быть одномоментным и повсеместным. Опыт Китая и России свидетельствует о том, что:

- 1) реформы должны проводиться последовательно, иначе они могут встретить сильное сопротивление;
- 2) ключ к успеху реформ — противодействие объединению усилий противников преобразований, недопущение прямой конфронтации между государством и обществом;
- 3) любая стратегия реформ должна включать в себя поиск зон наименьшего сопротивления, которые станут полигоном для реформаторской политики;
- 4) успешный опыт должен распространяться не за счет принуждения сверху, а благодаря инициативе снизу.

Вместе с тем следует констатировать, что между китайской и российской моделями реформ имеются серьезные различия даже в близких по своим условиям регионах. Истоки этих различий кроются в политической сфере и связаны прежде всего с особенностями избирательной

и партийной систем двух стран, а также со спецификой отношений между центром и регионами. От избирательной системы зависит достижение консенсуса между государством и обществом в регионе. (При наличии такого консенсуса, как правило, используются сходные стратегии реформ.) Дизайн партийной системы влияет на способность контролировать политическую элиту и возможности согласования интересов элитных групп. (Там, где элитные группы едины в оценке желательных направлений реформ, стратегии их проведения, как правило, похожи.) Отношения между центром и регионами задают инструменты воплощения воли государства на низовом уровне. (Регионы, изначально обладающие развитой политической и экономической базой, освобождающей их от потребности в государственном вмешательстве, как правило, выбирают аналогичные стратегии реформ.)

Таким образом, применительно к Китаю и России наиболее схожие стратегии реформ наблюдаются в регионах с открытой и развитой экономикой, где экономические преобразования могут быть использованы для совершенствования политической сферы. Некоторые различия в стратегиях в регионах этого типа объясняются прежде всего давлением электоральных процедур: в России региональные власти вынуждены тратить гораздо больше политического и экономического капитала, чтобы обеспечить себе социальную поддержку. В регионах с сильной традиционной промышленностью различия более заметны. В этом случае решающее значение имеет партийная система. В Китае разветвленная сеть низовых партийных организаций способствует минимизации сопротивления со стороны предпринимателей и граждан. В России же подобные организации развиты гораздо хуже и практически не имеют влияния. Но максимальные различия обнаруживаются в регионах со слабой экономикой, где наиболее отчетливо проявляется общая специфика подходов китайских и российских властей. Если Китай делает упор на партийные организации и инициативу снизу, то Россия предпочитает политические инструменты, находящиеся под контролем федеральных или региональных структур.

Библиография

Гаман-Голутвина О.В. (2004) «Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I)» // *Полис. Политические исследования*, № 2: 6—19. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2004/2/Polis-2004-2-Gaman-Golutvina.pdf> (проверено 15.03.2022).

Ли Цзинпэн. (2007) «Инновации в местном самоуправлении и структурная реформа государственного управления» // *Журнал Пекинского института управления*, № 3: 1—4. (На кит.)

Си Цзиньпин. (2014а) *Си Цзиньпин инспектирует Пекин*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/24476753> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2014б) *Си Цзиньпин инспектирует Цзянсу*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/26207159> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2015a) *Си Цзиньпин инспектирует Гуйчжоу*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/27179687> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2015b) *Си Цзиньпин принимает участие в делегации Шанхая*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/26644528> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2016a) *Выступление Си Цзиньпина на конференции по сельской реформе*. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-04/28/content_5068843.htm (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2016b) *Си Цзиньпин инспектирует Нинся*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/28571281> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2016c) *Си Цзиньпин принимает участие в делегации Хэйлуцзяна*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/28178832> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2019) *Си Цзиньпин инспектирует Шанхай*. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-11/03/c_1125187413.htm (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2020a) *Выступление Си Цзиньпина на 3-й конференции Центрального комитета КПК по работе в Синьцзяне*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/31876110> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2020b) *Выступление Си Цзиньпина на 7-й конференции Центрального комитета КПК по работе в Тибете*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/31841784> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Хань Ботян и Ши Лэй. (2008) «Политика поэтапных экспериментов в условиях экономического подъема Китая» // *Открытые времена*, № 5: 31—51. (На кит.)

Чэнь Сюэлянь. (2010) «Исследования и практика зарубежных правительственных инноваций» // *Журнал Национальной школы управления*, № 1: 116—120. (На кит.)

Ю Кепин. (2003) «Реформа и инновация местного самоуправления в Китае» // *Сравнительные исследования экономических и социальных систем*, № 4: 31—34. (На кит.)

Ю Кепин. (2005) «О некоторых ключевых проблемах государственных инноваций» // *Журнал гуманитарных наук Китая*, № 4: 138—146. (На кит.)

Ян Сюэдун. (2008) «О десяти проблемах в исследовании инноваций в местном самоуправлении в Китае» // *Журнал государственного управления*, № 1: 16—26. (На кит.)

Ян Сюэдун. (2011) «Реформирование местного самоуправления в Китае за последние 10 лет» // *Журнал государственного управления*, № 1: 81—93. (На кит.)

Ясин Е.Г., Н.В.Акиндинова, Л.И.Якобсон и А.А.Яковлев. (2013) *Состоится ли новая модель экономического роста в России? Доклад к XIV Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2—5 апр. 2013 г.)*.

М.: Издательский дом Высшей школы экономики. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/04/02/1293957000/yasin-ru.pdf> (проверено 15.03.2022).

Grindle M. (2004) «Good Enough Governance: Poverty Reduction and Reform in Developing Countries» // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, vol. 17, no. 4: 525–548. URL: https://courses.washington.edu/pbaf531/Grindle_GoodEnoughGov.pdf (accessed on 15.03.2022).

Grindle M. (2007) «Good Enough Governance Revisited» // *Development Policy Review*, vol. 25, no. 5: 553–574. URL: https://courses.washington.edu/pbaf531/Grindle_GoodEnoughGovRevisited.pdf (accessed on 15.03.2022).

Hellman J. (1998) «Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transitions» // *World Politics*, vol. 52, no. 2: 203–234.

Maskin E., Y.Qian, and Ch.Xu. (2000) «Incentives, Information, and Organizational Form» // *The Review of Economic Studies*, vol. 67, no. 2: 359–378.

Melville A. and M.Mironyuk. (2016) «Bad Enough Governance: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no. 2: 132–151.

Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market: Political and Economic Reform in Eastern Europe and Latin America*. New York: Cambridge University Press.

Sharafutdinova G. and R.Turovsky. (2017) «The Politics of Federal Transfers in Putin’s Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 2: 161–175.

Treisman D. (2007) *The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Fei Haiting
UNBALANCED REFORM
COMPARATIVE ANALYSIS
OF CHINA’S AND RUSSIA’S EXPERIENCE

Fei Haiting — Ph.D. in History; Assistant Professor at the Research Center for Chinese Politics, Peking University (China). Email: feihaiting@outlook.com.

Abstract. Transforming a political system is never an easy task. The reforms that launched this process can easily fall into the “balancing trap”, when

a lion's share of political capital is directed to ensure a balance of interests of various social groups, which inevitably leads to the curtailment of reforms and, as a result, stagnation. The article is devoted to a comparative analysis of the approaches of China and Russia to solving this problem.

The essence of the Chinese approach, which is usually referred to as the “policy experimentation”, is that reforms are first carried out in a separate region, and then, if successful, gradually spread to the whole country. However, the key to China's success lies not only in experimentation, but also in a variety of reform strategies, the choice of which is determined by the specific conditions prevailing in a given region. Russia also uses this model, which is known as an “unbalanced reform” and aimed at spotting areas of least resistance to reforms in order to prevent the unification of the efforts of the opponents to reforms and direct confrontation between the state and the society. However, its Russian version differs remarkably from the Chinese one.

According to the author, the differences between the Chinese and the Russian models of reforms are rooted in the political sphere and are associated with the specifics of the electoral and party systems of these countries, and most importantly, with the nature of the relations in the “center-regions” system. In China, when carrying out reforms, the emphasis is placed upon the initiative from below, while Russia prefers political instruments that are under the direct control of the federal structures.

Keywords: China, Russia, reforms, balancing trap, policy experimentation, unbalanced reform

References

- Chen Xuelian. (2010) “Research and Practice of Foreign Government Innovation” // *Journal of National School of Administration*, no. 1: 116–120. (In Chin.)
- Gaman-Golutvina O.V. (2004) “Regional'nye elity Rossii: personal'nyj sostav i tendentsii evolutsii (I)” [Russia's Regional Elites: Whom They Consist of, and What Are the Tendencies of Their Evolution (I)] // *Polis. Politicheskije issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 2: 6–19. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2004/2/Polis-2004-2-Gaman-Golutvina.pdf> (accessed on 15.03.2022). (In Russ.)
- Grindle M. (2004) “Good Enough Governance: Poverty Reduction and Reform in Developing Countries” // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, vol. 17, no. 4: 525–548. URL: https://courses.washington.edu/pbaf531/Grindle_GoodEnoughGov.pdf (accessed on 15.03.2022).
- Grindle M. (2007) “Good Enough Governance Revisited” // *Development Policy Review*, vol. 25, no. 5: 553–574. URL: https://courses.washington.edu/pbaf531/Grindle_GoodEnoughGovRevisited.pdf (accessed on 15.03.2022).
- Han Botian and Shi Lei. (2008) “The Staged Policy Experimentation in Economic Rise of China” // *Open Times*, no. 5: 31–51. (In Chin.)

Hellman J. (1998) “Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transitions” // *World Politics*, vol. 52, no. 2: 203—234.

Li Jingpeng. (2007) “Local Government Innovation and Structural Reform of Government” // *Journal of Beijing Administrative College*, no. 3: 1—4. (In Chin.)

Maskin E., Y.Qian, and Ch.Xu. (2000) “Incentives, Information, and Organizational Form” // *The Review of Economic Studies*, vol. 67, no. 2: 359—378.

Melville A. and M.Mironyuk. (2016) “Bad Enough Governance: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no. 2: 132—151.

Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market: Political and Economic Reform in Eastern Europe and Latin America*. New York: Cambridge University Press.

Sharafutdinova G. and R.Turovsky. (2017) “The Politics of Federal Transfers in Putin’s Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 2: 161—175.

Treisman D. (2007) *The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Xi Jinping. (2014a) *Xi Jinping Inspects Beijing*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/24476753> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2014b) *Xi Jinping Inspects Jiangsu*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/26207159> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2015a) *Xi Jinping Inspects Guizhou*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/27179687> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2015b) *Xi Jinping Takes Part in Delegation of Shanghai*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/26644528> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2016a) *Speech of Xi Jinping on Conference on Rural Reform*. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-04/28/content_5068843.htm (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2016b) *Xi Jinping Inspects Ningxia*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/28571281> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2016c) *Xi Jinping Takes Part in Delegation of Heilongjiang*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/28178832> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2019) *Xi Jinping Inspects Shanghai*. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-11/03/c_1125187413.htm (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2020a) *Xi Jinping’s Speech at the 3rd Conference of the CPC Central Committee on Work in Xinjiang*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/31876110> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2020b) *Xi Jinping’s Speech at the 7th Conference of the CPC Central Committee on Work in Tibet*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/31841784> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Yang Xuedong. (2008) “On Ten Problems in the Research of Local Government Innovation in China” // *Journal of Public Management*, no. 1: 16—26. (In Chin.)

Yang Xuedong. (2011) “Local Government Reform in China in the Past 10 Years” // *Journal of Public Management*, no. 1: 81—93. (In Chin.)

Yasin E.G., N.V.Akindinova, L.I.Yakobson, and A.A.Yakovlev. (2013) *Sostoitsja li novaja model' ekonomicheskogo rosta v Rossii? Doklad k 14 Aprel'skoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii po problemam razvitija ekonomiki i obshchestva (Moskva, 2—5 apr. 2013 g.)* [Can the New Model of Russian Economic Growth Be Realized? Report to the 14th April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development (Moscow, 2—5 Apr. 2013)]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/04/02/1293957000/yasin-ru.pdf> (accessed on 15.03.2022). (In Russ.)

Yu Keping. (2003) “Reform and Innovation of Local Government in China” // *Comparative Economic and Social Systems*, no. 4: 31—34. (In Chin.)

Yu Keping. (2005) “On Some Basic Problems of Government Innovation” // *Journal of Chinese Humanities*, no. 4: 138—146. (In Chin.)